

Содержание

Введение	7
1. Лондиниум 43–410	14
2. Саксонский город 410–1066	24
3. Средневековый мегаполис 1066–1348	36
4. Эпоха Чосера и Уиттингтона 1348–1485	48
5. Тюдоровский Лондон 1485–1603	62
6. Стюарты и революция 1603–1660	79
7. Реставрация, бедствия и восстановление 1660–1688	96
8. Голландские веяния 1688–1714	121
9. Заря Ганноверской династии 1714–1763	134
10. Оклеветанный век 1763–1789	158
11. Регентство: великолепный Нэш 1789–1825	178
12. Кьюбиттополис 1825–1832	193

13. Эпоха реформ 1832–1848	209
14. Рождение новой столицы 1848–1860	220
15. Взросление викторианского Лондона 1860–1875	239
16. Филантропия против государства 1875–1900	258
17. Эдвардианский апофеоз 1900–1914	272
18. Война и ее последствия 1914–1930	297
19. Пик разрастания 1930–1939	314
20. Столица на войне 1939–1951	326
21. Великий бум недвижимости 1951–1960	345
22. «Свингующий город» 1960–1970	362
23. Годы спада 1970–1980	380
24. Столица возрождается 1980–1997	396
25. Лондон идет ва-банк 1997–2008	417
26. Порождения тщеславия 2008 – настоящее время	434
Эпилог	456
Благодарности	467
Хронология истории Лондона	470
Рекомендуемая литература	476
Фотоматериалы	478

Введение

Вид, открывающийся с лондонского моста Ватерлоо, представляет собой совершенный хаос — эксцентричный, стихийный, одуряющий, головокружительный хаос. В течение всей жизни я наблюдаю за его эволюцией и все еще пытаюсь понять, какие силы ею движут. Хронику этих попыток я и предлагаю вашему вниманию. Лондон, заложенный римлянами, а потом заново основанный англосаксами, беспрестанно рос и продолжает расти. К XVIII веку это была крупнейшая столица Европы, а к XIX — столица мира. После Второй мировой войны рост Лондона, казалось, достиг пределов и начал замедляться. Но на рубеже XXI века город вновь стал расти, притягивая к себе людей, финансы и таланты со всей страны, со всей Европы и со всего мира. Ожидается, что к 2025 году его население превысит 9 миллионов человек. Как бы то ни было, я уверен в одном: Лондон живет собственной жизнью.

На протяжении большей части истории Лондон и Вестминстер были независимыми административными образованиями: делом первого была экономика, делом второго — политика. Сложные отношения между ними

не раз предстанут перед нами на протяжении этой книги. Первый средневековый мегаполис испытал потрясения в XVII веке с его гражданской войной, Великой чумой и Великим пожаром, но вышел из них с успехом, вступив в XVIII век, золотой век обновления и интеллектуальной продуктивности. За этим последовали потрясения, вызванные появлением железных дорог и, как следствие, взрывным ростом пригородов, подобного которому не испытал ни один другой город мира.

На рубеже XX века Лондон достиг апофеоза имперского величия, на протяжении века пережил бомбардировки двух мировых войн, после которых начался период упадка. В 3-м тысячелетии город вновь стал процветать, превратившись в мировой финансовый центр, однако спорам о том, в каком направлении ему следует расти, как он должен выглядеть и кому он «принадлежит», конца пока не видно.

Эта книга посвящена в первую очередь эволюции внешнего вида Лондона: почему сегодня он выглядит именно так — более пестрым и анархичным, чем любой другой сравнимый по величине город? Корни истории неизменно кроются в географии; физическая эволюция Лондона тесно связана с его расположением и топографией. Поколения его жителей сменяют друг друга, новые профессии приходят на смену старым, но структура города, словно неразрывная цепь, связывает прошлое и настоящее.

Везде, где собираются люди, появляется почва для волнений, но на протяжении двух тысячелетий конфликты, разгоравшиеся в Лондоне, разрешались на удивление мирно. На здешних улицах жертвами политических волнений пало меньше людей, чем в любом другом из великих городов мира. Борьба лондонцев органично связана с самим Лондоном и природой его роста, с потребно-

стями торговли и попытками ее планирования или регулирования.

Примечательно в этой истории то, что упомянутые попытки в целом провалились. Лондон давно уже сам себе хозяин. На любые бедствия (будь то восстание Боудикки, нормандское завоевание, реформация при Генрихе VIII, чума, пожар или бомбардировки) он отвечал тем, что с головой погружался в работу и занимался своим делом — с фантастическим успехом.

В большинстве работ история Лондона рассматривается в отрыве от истории страны, столицей которой он является. Я попытался поместить историю города в национальный, а до некоторой степени и в международный контекст. Лондон всегда старался держаться в стороне от событий, затрагивавших остальную часть страны, но сыграл судьбоносную роль в гражданской войне и в сражениях XIX века за реформы. Лондонская толпа всегда говорила собственным голосом, и не следует недооценивать ее лишь потому, что ее выступления так редко принимали буйный характер.

Если выйти за пределы Сити и Вестминстера, определить, что такое Лондон, становится еще труднее. Писатель и историк Викторианской эпохи Уолтер Безант писал о двух Лондонах, о которых «никто не знает и не желает знать»: Восточный Лондон и Южный Лондон. Каждый из них по размеру превышал Манчестер, однако миллионы живших там людей никогда не пересекали границу между ними. Восточный Лондон был почти отдельным городом, где жил рабочий класс, а в Южном Лондоне, по словам Безанта, худо-бедно напоминал достопримечательность разве что паб «Слон и замок» (Elephant and Castle) — ныне, увы, исчезнувший. В последние два века возник третий Лондон, еще менее заметный. Это тихий безликий пригородный мегаполис, рожденный же-

лезными дорогами и за полвека с 1880 года увеличивший площадь Лондона вшестеро. В зависимости от того, как определять его границы, его территория составляет до 80 % от всего Лондона. Я попытался отдать должное и ему.

Лондон в целом никогда (по крайней мере, до XXI века) не имел самоуправления как единого исполнительного органа, отвечающего за работу всего городского хозяйства или большей его части. Напротив, он проявлял неизменную политическую апатию. Ответ на вопрос, почему он был столь политически инертен по сравнению с Парижем, Берлином, Веной или Санкт-Петербургом, кроется отчасти в том, что он стал центром зарождающейся национальной демократии. Как мне кажется, еще одна причина — географическая. Города — это котлы под давлением, чей предохранительный клапан — расширение. Всегда, когда казалось, что столица вот-вот затрещит по швам, начиналось активное строительство. Лондонские трущобы XIX века были ужасны, но в сравнении с парижскими представляли собой куда более скромную картину. А железная дорога давала отдушину, через которую город выплескивался на ставшие доступными территории Мидлсекса, Эссекса, Суррея и Кента. В 1854 году Королевская комиссия скучно описывала столицу как «провинцию, застроенную домами». Карл Маркс, раздумывая о судьбе лондонских бедняков, при виде тихих почтенных улиц и площадей отчаялся найти в лондонцах революционный потенциал.

Из упомянутых конфликтов самый серьезный как раз в наименьшей степени зафиксирован в источниках, а вот в этой книге ему уделено больше всего внимания. Этот конфликт разгорелся в третьей четверти XX века, когда бульдозеры послевоенных градоначальников нанесли городу куда больший урон, чем немецкие авианалеты, во время войны уничтожившие многие дома Сити и частично Ист-

Энда. Проезжая сегодня через внутренние пригороды¹, вы едете по городу-призраку, в котором прежние рабочие улицы погребены под муниципальной застройкой и многоквартирными высотками. Самовластные архитекторы сносили здания и строили с нуля, накладывая собственные идеологические и эстетические шаблоны на живой, пульсирующий организм города. К тому времени как общественное неприятие и недостаток ресурсов положили этому конец, немалая часть преимущественно викторианского Лондона была опустошена, хотя многое, к счастью, уцелело.

По мере приближения к настоящему времени наш современный опыт неизбежно добавляет в рассказ новые краски. Я живу в Лондоне с раннего детства и успел пожить в четырех боро² — трех к северу и одном к югу от Темзы. Древние греки считали, что полис может выжить, только если его жители участвуют в управлении. Я никогда не избирался на управленческие должности, но всю жизнь описывал всевозможные грани облика столицы; работал я и в учреждениях, занимавшихся вопросами транспорта, жилищного строительства, планирования, культуры и охраны памятников³. Я редактировал лондон-

¹ Под «внутренними пригородами» в англо-американской терминологии понимаются «спальные районы», примыкающие к центральной (деловой) части города и застроенные, как правило, в 1950–1970-х годах. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

² Боро — административная единица Лондона, аналог городского района.

³ Автор входил в правление следующих организаций: British Rail, Transport for London, Музея Лондона, культурно-выставочного центра South Bank, театра «Олд-Вик», Сомерсет-Хауса, управления жилищного строительства района Паддингтон, организаций English Heritage («Английское наследие»), National Trust (Национальный трест), Save Britain's Heritage («Спасем наследие Британии»), Twentieth Century («Общество XX века»). — *Прим. автора.* British Rail — оператор британских железных дорог до 1997 г. Transport for London — органи-

ские газеты — утреннюю и вечернюю (Times и Evening Standard), трижды выполнял обязанности присяжного и дважды заведовал школой. Активизм для меня — постоянная тема, и сегодня я прохожу по городу как старый солдат, вспоминая прошлые победы и поражения. Иногда это поднимает дух, иногда расстраивает.

Мой интерес к внешнему виду Лондона — конкретный и преднамеренный. Мне интересен Лондон всех времен — не вечно одинаковый, но всегда хранящий один и тот же дух. Баталии по вопросам джентрификации¹, борьбы с бедностью, образования и жилищного строительства реальны и важны, но я считаю, что городские политики не должны угождать только нынешнему поколению. Да, у нас есть право быть услышанными. Но город, в число жителей которого мы ненадолго вошли, выживет, и важно именно то, какой город мы передадим потомкам. Я содрогаюсь при мысли о том, что скажут будущие поколения о нынешнем силуэте Лондона, так же как нас приводит в содрогание то, что сделали наши родители и родители наших родителей после Второй мировой войны. Мы не должны забывать, что, выбирая тот Лондон, который мы хотим, мы принимаем решение и за других.

Любознательность — лучший подход к истории. Я стараюсь ответить на вопросы, которые всегда интриговали

зация, управляющая транспортной системой Лондона. Последние четыре упомянутые государственные и общественные организации занимаются охраной исторических памятников. — *Прим. пер.*

¹ Джентрификация — придание «новой жизни» пришедшим в упадок городским кварталам путем благоустройства и последующего привлечения более состоятельных жителей. Термин «джентрификация» (от англ. *gentry* — джентри, мелкопоместное дворянство) впервые ввела социолог Рут Гласс как раз на примере Лондона, описывая вытеснение рабочего класса из отдельных районов Лондона средним классом.

меня и, надеюсь, заинтригуют читателей. Почему Сити всегда так отличался от Вестминстера? Почему Южный Лондон — всего в сотне ярдов за рекой — кажется настолько иным, почти провинциальным? Почему внутренние районы Лондона настолько разнообразны, а внешние пригороды так однолики? Как случилось, что террасная застройка¹ стала излюбленным стилем жилья для старых и новых, богатых и бедных, и почему современные градостроители настолько враждебно относятся к этой популярной форме, которую к тому же любит большинство архитекторов? Почему высотные здания Лондона разбросаны так хаотично?

Я стараюсь сохранять беспристрастность. Если можно любить то, что делишь еще с девятью миллионами человек, то я люблю Лондон. Меня огорчает отъезд из него и воодушевляет возвращение. Меня всегда завораживают его прославленные виды, открывающиеся с Парламентского холма, моста Ватерлоо или из Гринвича. Если он разочаровывает меня, я сгораю от стыда, а его радости приводят меня в восторг. Лондон призван удивлять и никогда этому призванию не изменяет. Ему свойственна величайшая из человеческих добродетелей: он никогда не бывает скучен.

¹ Террасная (рядная, блокированная) застройка — в Великобритании тип малоэтажной застройки, при котором расположенные в ряд однотипные жилые дома соприкасаются боковыми стенами.

1

Лондиниум

43-410

«Отец Темза»

Большинство городов начинается с воды. Если есть река, озеро или море, есть и торговля; а если есть еще и высокий берег, люди пускают корни и начинают вести дела. Еще до основания Лондона долина Темзы была населена: ее обитатели копали канавы, возводили дамбы, били дичь, выращивали урожай, оставляли нам глиняные горшки и металлические изделия. Но они никогда не сводили глаз с реки.

Темза была не спокойной рекой, а потоком вдвое шире теперешнего, по руслу которого приливная волна с моря проникала в глубь острова. С самых ранних времен Темза, как и большинство рек, считалась священной. Ее олицетворением был похожий на Нептуна старик с волнистыми волосами — «Отец Темза»; имя реки, возможно, происходит от кельтского корня со значением «тьма». Богам реки приносили жертвы: горшки, топоры, мечи, деньги (и сегодня влюбленные бросают монеты в фонтаны на счастье). Помню, в один из поворотных моментов собственной жизни, идя по мосту Ватерлоо, я посмо-

трел вниз, в реку, и какой-то первобытный инстинкт заставил меня бросить монету в воду.

В доисторические времена на месте Лондона стоял холм с двумя вершинами. Чтобы почувствовать, где находились его склоны, лучше всего отправиться на велосипеде, желательно ночью, на запад от Тауэра. Абрис холма идет вверх по площади Тауэр-хилл, затем вдоль улиц Ист-чип и Каннон-стрит, откуда переулки круто спускаются к Темзе. В середине Каннон-стрит заметно понижается, пересекая русло прежнего ручья Уолбрук, а затем вновь поднимается на вторую «вершину холма» у собора Святого Павла. Далее от Картер-лейн переулки вновь спускаются к Темзе. За собором идет круто вниз склон холма Ладгейт, пересекая бывшее русло реки Флит, ныне заключенной в подземную трубу. Затем маршрут вновь идет вверх, по Флит-стрит, к улице Стрэнд, в названии которой сохранилась располагавшаяся здесь когда-то полоса прибрежной гальки¹. Здесь находится Олдвич — по-саксонски «старый порт»; порт этот некогда обслуживал поселение послеримских времен под названием «Лунденвик», приблизительно на месте современного района Ковент-Гарден. На Трафальгарской площади можно нырнуть к болотам Вестминстера или взять направо по улице Хеймаркет и попасть в расположенный выше район Сохо. Мы не увидели древнего Лондона, но ощутили под собственными ногами.

На карте в Музее Лондона этот ландшафт доисторических времен усеян каменными топорами, костями и человеческими черепами, разбросанными среди останков мамонтов, носорогов, бизонов и медведей. Ближайшие так называемые стоянки располагались на более плодородной почве выше по течению, в Аксбридже, Стейнсе,

¹ *Strand* — «прибрежная полоса», «берег» (англ.).

Каршолтоне и Хитроу. К 1-му тысячелетию до нашей эры появляются простые системы севооборота, применявшиеся среди прочего на участке к югу от реки, в Саут-урке. В Баттерси, у предполагаемого брода через реку, найден изящный щит эпохи бронзы.

Судя по всему, в конце железного века Темза служила границей между неизвестными нам племенами. Река служила естественным торговым путем между Северным морем и внутренней частью страны. Что касается самого слова «Лондон», его этимологию объясняют с десятков теорий, наиболее вероятная из которых производит название от кельтского «лонд» — «дикий» или «пловонида» — «быстрый поток». Средневековый историк Гальфрид Монмутский, взяв в пример Рим, объявил, что Лондон основан неким троянцем по имени Брут — потомком Энея, одного из основателей Рима. Даже в мифе Лондон сохранял свои связи с континентальной Европой.

Римский город

Два похода Юлия Цезаря в Британию в 55 и 54 годах до нашей эры не оставили следов вокруг Лондона. Первый поход представлял собой просто высадку на территории Кента, второй — массированное вторжение на 800 кораблях, которые надолго стали самым крупным флотом, пересекшим Ла-Манш; рекорд был побит только в день высадки союзников в Нормандии, которые, впрочем, пересекали пролив в обратном направлении. Цезарь нанес поражение силам бриттов во главе с Кассивелауном, переправился через Темзу и достиг Мидлсекса. Где именно произошла переправа и какие результаты были достигнуты в ходе вторжения, не вполне ясно. Судя по всему, это была лишь демонстрация силы. Цезарь не оставил

в Британии ни постоянной базы, ни войск и отступил в Галлию.

Возвращение римлян в 43 году нашей эры, в правление императора Клавдия, было более убедительным. Армия под командованием Авла Плавтия высадилась в районе нынешнего Ричборо на побережье Кента и отправилась маршем вверх по берегу Темзы. По всей вероятности, по пути к бриттской крепости Камулодун (нынешний Колчестер) они должны были пересечь реку и выйти на возвышенность напротив Саутуорка. Была ли эта возвышенность уже населена торговыми людьми, неизвестно. Но вскоре на ней вырос Лондиниум.

Поселение на переправе, по обеим сторонам ручья Уолбрук, быстро росло. Как и все римские города, оно было спланировано в виде регулярной сетки улиц, ориентированной вдоль дорог, ведущих на восток — в бриттский Камулодун — и на северо-запад, по нынешней Уотлинг-стрит (в той ее части, которая носит название Эджвер-роуд), — в Веруламий (ныне Сент-Олбанс). В центре города, на месте нынешнего рынка «Леденхолл» (Leadenhall), было открытое пространство — форум. К западу от Уолбрука был амфитеатр, обнаруженный в 1988 году под улицей Гилдхолл-ярд.

Улицы строились в римском стиле, дома были в основном прямоугольные, хотя были и круглые хижины, — вероятно, в них жило коренное население. Вдоль реки располагались причалы, куда приставали корабли и привозились грузы. У Тацита есть упоминание Лондиниума как «города, хотя и не именовавшегося колонией [как Камулодун], но весьма людного вследствие обилия в нем купцов»¹. Это свидетельство подкрепляют найденные в 2010 году под зданием штаб-квартиры *Bloomberg* воско-

¹ Пер. А. С. Бобовича.

вые таблички, датируемые 57 годом нашей эры и говорящие о наличии торговли, а также школьного образования и судопроизводства.

Этот первый Лондон просуществовал всего семнадцать лет. В 60 году племена иценов из Норфолка и тринобантов из Эссекса подняли восстание под руководством царицы иценов Боудикки, вызванное тем, что римский губернатор Светоний после смерти мужа Боудикки, союзника Рима, хотел включить земли иценов в свою провинцию. По причинам, оставшимся неизвестными, Боудикка была высечена плетью, а ее дочери обесчещены. В ответ воинственная царица собрала большое войско, уничтожила римский гарнизон в Камулодуне, а затем атаковала римлян в Лондиниуме и Веруламии.

В это время войско Светония находилось в походе в Уэльсе, так что губернатор остался без защиты. Те граждане, что не бежали вместе с ним, были убиты, а город стерт с лица земли (археологи обнаружили слой золы, датируемый этим временем). Оценки современников в 40 000 погибших кажутся преувеличением, однако они показывают, до каких размеров вырос Лондон за два десятилетия римской оккупации.

На следующий год Светоний собрал силы, вернулся и осуществил возмездие, убив Боудикку¹.

Стратегическое значение Лондона было настолько велико, что он быстро вернул себе статус самого крупного города на острове, став столицей важной римской провинции Британия. Уолбрук давал городу чистую воду из района Финсбери, а отходы, напротив, смывал в Темзу. На главные улицы выходили римские виллы. Вдоль реки выстроились склады. Первый деревянный мост через Темзу в Саутуорке был построен в начале римской окку-

¹ Согласно Тациту, Боудикка после поражения приняла яд.

пации. В 1981 году в ста ярдах от нынешнего Лондонского моста были обнаружены деревянные сваи, датируемые 80–90 годами. Благодаря мосту дорога из Веруламия — нынешняя Уотлинг-стрит — пересекла реку и стала вести в Кент и Дувр, а Эрмин-стрит шла на север по современной Кингсленд-роуд в Йорк. Они до сих пор остаются единственными улицами в Лондоне, которые идут прямо на протяжении нескольких миль. Что касается моста, ему предстояло на века стать символом лондонской самобытности.

В течение II века Лондиниум продолжал расти. Около 120 года он перенес сокрушительный пожар. При императоре Адриане, который, как считается, посетил город в 122 году, на северо-восточной окраине (ныне район Барбикан) была построена крепость, вмещающая 1000 солдат. Кроме того, в начале III века была возведена полукруглая стена, шедшая на две мили (ок. 3,2 км) от нынешнего Тауэра к устью Флита возле Блэкфрайарса; в стене были пробиты ворота на улицах Ладгейт, Ньюгейт, Бишопсгейт и Олдгейт. В северо-восточном углу стена делала изгиб — здесь, на месте будущих ворот Криплгейт, и располагалась крепость. Если не считать мелких административных изменений, по этой стене и сегодня в основном проходит граница лондонского Сити.

Между тем форум был расширен и стал крупнейшим к северу от Альп. На форум выходила базилика — административное здание, которое, судя по результатам раскопок, было длиннее даже нынешнего собора Святого Павла.

Постепенно за стенами вдоль нынешней Флит-стрит, а также в Холборне, Олдгейте и на южном конце моста в Саутуорке стали вырастать предместья. К концу I века Лондиниум, по оценкам, достиг максимума населения — около 60 000 жителей, что по римским меркам соответ-

ствовало крупному городу. О его социуме известно мало, хотя в Музее Лондона в Барбикане можно получить очень хорошее представление о римском Лондоне. Макет в музее рисует живописную картину роскошного быта: мозаичные полы, раскрашенные комнаты, ванны и внутренние дворики. При этом ДНК-анализ показывает, что этот Лондон имел чрезвычайно космополитичное население, стекавшееся сюда со всей Римской империи, в том числе из Средиземноморья и Северной Европы. Эти люди поклонялись своим богам в храмах и капищах, приносили жертвы на берегах Темзы и Уолбрука. Самый значительный из найденных по сей день алтарь посвящен богу Митре и был изготовлен близ Уолбрука около 240 года. Также есть предположения, что под собором Святого Павла могут находиться руины другого храма — возможно, храма Дианы.

Отступление и исчезновение

Причина упадка Лондиниума в V–VI веках — великая тайна лондонского прошлого. Население города начало уменьшаться уже к 150 году. Возможно, что Южная Британия была в основном мирным краем и в столице не нужен был постоянный легион, и солдат разместили на границах с Уэльсом и Шотландией. Судя по всему, имел место отток населения. Нарождающиеся островки романо-бриттской культуры были разбросаны по городам и виллам на прилегающих холмах современных Кента, Суррея и долины Темзы. Лондон был важным портом, но большую часть торговых грузов провинции можно было перевозить и по морю, вдоль побережья. По мере разрушения имперской системы обороны отдаленные провинции, среди которых была и Британия, стали уязвимыми перед вторжениями варваров — в особенности англо-и саксов, а правитель-

ства этих провинций — перед мятежными полководцами. После охватившего всю страну восстания под руководством Караузия в 286 году римлянам в лице Констанция Хлора, отца Константина Великого, пришлось в 293 году покорять Британию заново. Это привело к новому росту строительства, но ненадолго. Вскоре после 300 года наблюдаются явные признаки того, что город потерял привлекательность для своих обитателей. Здания приходят в запустение, общественными банями больше не пользуются, даже форум заброшен.

Церковь возле Тауэр-хилла, возможно, отмечает приход в Северную Европу христианства (около 300 года). В Арелатском соборе 314 года во Франции принимал участие некий Реститут, епископ «из Лондиниума». Однако к концу века археологические данные говорят о внезапном упадке. По всей вероятности, Лондон стал неприятным для жизни, полуразрушенным, грязным, небезопасным городом, где постоянно бушевали эпидемии. Возможно, вновь прибывающие поселенцы предпочитали жить на более здоровой открытой местности к западу от него.

Наверняка мы знаем только то, что 410 год стал роковым для города. Римской империи со всех сторон угрожали вторгающиеся варвары, сам Рим в этом году был разграблен вестготами под предводительством Алариха. Двадцатилетний император Гонорий вывел легионы с окраин империи, в том числе и из Британии. Посланникам, умолявшим о помощи против германских племен, император заявил, что «ради безопасности своих владений в Галлии, Италии и Испании он отказывается от имперских притязаний на Британию»; ее округа и гарнизоны «отныне считаются независимыми... и должны защищать себя сами». Это был первый «брекзит».

Хотя в других частях Британии романо-бриттская культура сохранялась, в Лондиниуме, как представляется, ее

развитие оборвалось внезапно. Сколько римлян осталось здесь, на каком языке они говорили, почему они ушли из-под защиты стен — всё это покрыто тайной. Не осталось ни обломков монет, ни предметов быта, ни даже мусора. Это произошло не в результате какого-либо катаклизма, — создается впечатление, что жители просто собрали свои пожитки и ушли. Археологические слои этого времени представляют собой грунт темного цвета, что обычно говорит о том, что территория вновь покрылась обломками камня и почвой. Запустение Лондона продолжалось, судя по всему, два столетия, в течение которых он был брошенным поселением на холме, подобным Старому Саруму¹ в Уилтшире. Археологи предполагают, что в стенах крепости могла продолжаться та или иная деятельность, не оставившая следов, — возможно, религиозные ритуалы. Очевидно, этого хватило, чтобы город спустя два века возродился, однако в остальном отношении здесь не было ничего.

Еще мальчиком я попытался обойти по периметру этот давно утраченный город. Тщетные усилия! Часть римской стены до сих пор сохранилась напротив Тауэра, еще одна — вдоль улицы Куперс-роу на севере. Бастион, перестроенный с использованием средневекового кирпича, сохранился в Барбикане, вдоль дороги Лондон-уолл, еще один — на автостоянке в том же Барбикане. Но это всего лишь фрагменты. Под холмом Хаггин-хилл в стороне от Куин-Виктория-стрит скрываются общественные бани; воду в них некогда подавали с помощью ведер, укрепленных на цепи. Стену этих бань все еще можно увидеть в очаровательном небольшом парке Клиари-гарден. В 1960-х годах сами бани, наряду с другими прекрас-

¹ Древнее поселение неподалеку от современного города Солсбери.

нейшими руинами римского Лондона, были частично засыпаны, над ними построили офисы. Еще одни бани, куда время от времени можно попасть, расположены под зданием напротив рынка Биллингсгейт. Старинный амфитеатр на месте нынешнего Гилдхолла — ратуши лондонского Сити — сохранился хуже.

В 1954 году при строительстве офисного центра на берегу Уолбрука был обнаружен храм, посвященный Митре. находка вызвала всеобщее воодушевление, хотя и не настолько большое, чтобы оставить ее на месте. Груды камней перевезли в палисадник на Куин-Виктория-стрит. В 2017 году в процессе новых работ, связанных со строительством на этом месте Блумберг-центра, камни были возвращены на исходное место, однако теперь их поместили в затемненный ящик в подвале современного здания, отчего они стали напоминать абстрактную скульптуру. Лучше было бы восстановить сам храм, поместив его в соответствующее окружение, — подобно воссозданной «улице викингов» в Йорке, у торгового центра «Коппергейт» (Coppergate). Римский Лондон остается утраченным местом, возбуждающим любопытство, обломком чужеродного мира, далекой страны, потерявшим значение из-за своего внезапного исчезновения.